

16. *Аверьев В. В., Богоявленская Г. Е., Брайцева О. А., Вакин Е. А., Пилипенко Г. Ф.* Вулканизм и гидротермы Узон-Семячского геотермального района на Камчатке // Вулканизм и глубины Земли : мат. III Всесоюзн. вулк. совещания 28–31 мая 1969 г. М., 1971. С. 207–211.

Э. Кастен

**В. И. ИОХЕЛЬСОН И СЕВЕРО-ТИХООКЕАНСКАЯ ДЖЕЗУПОВСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ (1898–1902)**

(вольный перевод с немецкого Тьян Заочной)

Монография В. И. Иохельсона «Коряки» (1), одновременно работы В. Г. Богораза о чукчах обозначили веху новой эры. Это были первые фундаментальные и существенные описания этого региона, отчетливо сфокусированные на этнологических темах, и при этом были использованы новые методические подходы возникающей научной дисциплины. Северо-Тихоокеанская Джезуповская экспедиция отличалась от предыдущих исследований Дальнего Востока России, проводимых в XVIII и XIX вв. исследователями, научной специализацией которых были прежде всего естественные науки. В то время этнология – или культурная антропология – еще не была самостоятельной научной дисциплиной. Поэтому ранние исследователи были склонны к рассмотрению коренных народов и их культуры в более широкой перспективе (2). Большинство из путешествовавших по Камчатке до В. И. Иохельсона были немецкого или немецко-балтийского происхождения. Они состояли на службе у Российского правительства и работали с российскими коллегами и, таким образом, создали сеть исследований, распространившуюся за пределами Европы вплоть до Дальнего Востока Российской империи. С прибытием В. И. Иохельсона и других исследователей Северо-Тихоокеанской Джезуповской экспедиции эти транснациональные сети начали расширяться также на Северную Америку.

До этого В. И. Иохельсон уже провел несколько лет в ссылке в Колымском крае. Вместе с В. Г. Богоразом, высланным по похожим политическим причинам, он принимал участие в экспедиции Сибирикова в 1894–1897 гг. После этого В. И. Иохельсон возвратился сначала в Санкт-Петербург, а позднее в Швейцарию, чтобы закончить учебу (3). В то же самое время, в 1897 г., Франц Боас ходатайствовал перед Моррисом К. Джезупом, президентом Американского музея естествознания в Нью-Йорке, об амбициозной научной программе, во время которой должны были быть исследованы взаимные культурные влияния между северо-восточной Азией и северо-западной Америкой. Параллельно с поисками подходящих кандидатов, которые должны были исследовать азиатскую часть региона в рамках данной экспедиции, Франц Боас обратился к Ф. В. Радлову, директору Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. Ф. В. Радлов был критически настроен против тенденций в русской этнографии того времени и заинтересован в содействии похожим исследованиям, какие планировал Боас (4). Вскоре после обращения Радлова он порекомендовал В. И. Иохельсона и В. Г. Богораза. В марте 1900 г. оба прибыли в Нью-Йорк, где после переговоров был подписан договор с Джезупом.

Еще до прибытия В. И. Иохельсона и В. Г. Богораза во Владивосток, 16 мая 1900 г., Боас просил Ф. В. Радлова уведомить Императорскую Академию наук о планах и просить правительство о поддержке и сотрудничестве (5). Эта просьба была удовлетворена в официальном письме В. И. Иохельсону и В. Г. Богоразу. Но одновременно местным административным органам предписывалось наблюдать за их работой. Позднее В. И. Иохельсон опубликовал анонимную статью в г. Штуттгарте, в которой описывал ситуацию, когда он мог цитировать даже из секретной корреспонденции:

«Заметим, что, если б путешественники сами не знали хорошо края и не имели обширного знакомства и влияния среди инородцев, экспедиция осталась бы без результатов – и громадные средства, отпущенные иностранным ученым институтом, труды и время исследователей были бы потрачены даром. <...> Спрашивается теперь, какой смысл имели секретные предписания? Не опасался ли министр распространения сепаратистских идей среди чукчей? Какая логическая связь между „прежней антиправительственной деятельностью“ путешественников, за которую они в свое время отбыли наказание, и „содействием по возложенным на них теперь ученым трудам“? Если допустим, что такая связь имеется, то почему министерство на ходатайства Академии Наук и Географического общества открыто не заявило, что таким путешественникам помогать в ученых работах не полагается» (6).

24 июля 1900 г. В. И. Иохельсон и его жена Дина Иохельсон-Бродская покинули Владивосток, направившись на Север морским путем. 16 августа они прибыли в деревню Кушка вблизи р. Гижиги, которая предстала перед ними покинутой. Из-за эпидемия кори во время прошедшей зимы население сократилось, и оставшиеся в живых переселились в глубь страны (7). Иохельсоны решили двигаться дальше к коряжским поселениям, расположенным вдоль Пенжинской и Гижигинской бухт, где они и провели следующую зиму. Там в декабре они встретили также В. Г. Богораза, который вскоре после встречи продолжил свое путешествие к корякам в восточные части края, где он проводил время также с ительменами, чтобы записывать тексты на языках этих народов. Начиная с лета 1901 по март 1902 г. В. И. Иохельсон проводил исследования также среди юкагигов, где он уже ранее работал.

В дальнейшем на основе нескольких примеров должны были быть проведены исследования новых методов полевой работы, которые, похоже, применялись В. И. Иохельсоном под влиянием американской культурной антропологии, а также в результате этого получены научные оценки.

Согласно указаниям Франца Боаса монография «Коряки» была составлена в научно-описательном стиле. Поэтому в тексте почти нет личных или эмоциональных примечаний автора, касающихся его отношений с местными сотрудниками или информантами. В разных местах В. И. Иохельсон лишь коротко упоминает «его» казака, который помогал ему и его жене, очевидно, при передвижении санным путем. При случае он упоминает своего переводчика, Николаса Вилчина, «русифицированного коряка» из селения Гижигинска. В. И. Иохельсон описывает его как кого-то, кто «владеет местным диалектом русского и коряжского языков равным образом <...>, хотя ранее мне стоило больших усилий подготовить его к работе» (8). Лишь однажды В. И. Иохельсон описывает несколько подробнее совместную работу: «Очень немногие женщины могли диктовать мне подряд два рассказа. Обычно, кончив одну сказку, они просили отпустить их, потому что устали. Делая записи, я вынужден был часто прерываться, так как видел, что переводчик мой уставал и не мог с должным вниманием следить за моими вопросами» (9). Эта цитата показательна также с другой точки зрения. Этим самым предлагается редкий случай более глубокого взгляда на технику полевой работы и технику съемки В. И. Иохельсона, которые могут казаться нам с сегодняшней точки зрения сомнительными (10).

Следующим пунктом критики является то, что с наибольшей вероятностью тексты были продиктованы не на коряжском языке. В. И. Иохельсон не дает ни одной ссылки на то, были ли отдельные тексты и заявления рассказаны ему и Вилчину на коряжском или на русском языке. Выяснить это невозможно, так как тексты существуют только в их опубликованной английской формулировке (11), и, судя по всему, первоначальных полевых заметок уже не существует. Кроме того, позднее В. И. Иохельсон был в полной зависимости от лингвистических знаний В. Г. Богораза во время обработки коряжских материалов для выпуска (12).

В отдельных этнологических вопросах заключения В. И. Иохельсона обычно основываются на широком и основательном обсуждении имевшихся в то время научных источников. Наглядным примером тому являются его объяснения о появлении оленеводства (13). При этом он связывает эти сведения из вторичной литературы со своими собственными наблюдениями и оценками. В своей рекомендации по возможному развитию более устойчивых основ коряжской экономики В. И. Иохельсон заметно расходится с целями проекта, поставленными Францем Боасом, и подхватывает представления прикладного исследования, характерные немецко-балтийским исследованиям 19-го столетия (14). Он задает вопрос: «Будет ли и при каких условиях у русских возможность повысить уровень цивилизованности местных жителей?» (15). Кроме того, В. И. Иохельсон верит в успех практического школьного образования, обращающего особенное внимание на повышение эффективности традиционных отраслей экономики, и «тем самым дальнейшее их развитие можно было бы предоставить им самим» (16). Здесь В. И. Иохельсон предвосхищает более поздние модели самоуправления коренного населения, которые могли бы осуществляться по меньшей мере в некоторых частях Северной Америки. Свои сомнения он подчеркивает решительной критикой колониальной политики Российской империи, которая «держит северо-восточные колонии единственно из-за славы владеть... территорией» (17) или как «символ, льстивший мелочной национальной гордости, но выплачиваемый дорогостоящей администрацией не приносящих прибыли колоний» (18). Одновременно В. И. Иохельсон сообщает открыто и прямо о том, с какой жестокостью эта политика осуществлялась.

В. И. Иохельсон рассматривал культуры коренных народов с новой научной точки зрения того времени. Напротив, Георг Вильгельм Штеллер сумел провести глубокое ознакомление и про-

никнуться особым уважением к локальным знаниям благодаря роли «участвующего наблюдателя», причем он практиковал этот исследовательский подход – в настоящее время весьма актуальный – в широком объеме уже в середине XVIII в. (19). В отличие от Штеллера В. И. Иохельсон, похоже, был менее заинтересован в документировании фактических трудовых процессов традиционного природопользования или изготовления предметов. С точки зрения собирателя этнографических объектов – это было существенной частью заказа Американского музея естествознания в Нью-Йорке – он исследовал и описывал такие предметы в первую очередь на основании их материальных свойств и практических функций. При этом, очевидно, он пренебрегал более широкими представлениями и мотивациями, лежавшими в основе соответствующих производственных процессов (20). Поэтому В. И. Иохельсону не удалось охватить важные эмоциональные и социальные значения этой деятельности. Соответствующим образом комплексные представления не находят у В. И. Иохельсона также должного внимания, когда он описывает и анализирует предметы искусства местных художников. Сегодня, напротив, этнографы уделяют больше внимания как раз содержательным разъяснениям и осмыслениям художников во время их работы (21).

Относительно изготовления образцов и орнаментов, которые использовались в шитье и аппликации на одежде, в них В. И. Иохельсон распознавал симметричные схемы (22). Он отличает и исследует возможные варианты происхождения как геометрических орнаментов, так и флоральных мотивов (23). Если речь шла о значении орнаментов, В. И. Иохельсон выражал большое разочарование от неисчерпывающих ответов мастериц. С такого же рода разочарованиями сталкивались и исследователи, работавшие и более 100 лет позднее (24).

Не удивляет также и то, что В. И. Иохельсон мало внимания уделял повседневным или художественным изображениям в танце и пении. Очевидно, он концентрировал свое особое внимание на такие художественные формы, интересовавшие его лишь как предметы для коллекции музея. Поэтому танцам, которые имитируют движения и звуки зверей, он посвящает короткую часть (25), хотя речь идет об очень богатой традиции, особенно у береговых коряков (26). То же самое относится к родовым мелодиям, являющимся до сегодняшнего дня значительным жанром у коряков, в том числе и для того, чтобы выражать индивидуальную, родовую или локальную идентичность – в частности во время праздников – или чтобы просто спонтанно радоваться во время повседневной деятельности (27). Относительно пения В. И. Иохельсон ограничивается в своих записях и описаниях преимущественно заклинаниями, которыми пользуются в шаманских камланиях.

С большой точностью В. И. Иохельсон описывает праздники примирения с природой, которые он мог наблюдать во время своего более длительного пребывания в корякском прибрежном поселении Куэл. Он задокументировал праздник кита, проводимый и, вероятно, не отличавшийся от других на основании похожих представлений и в других корякских поселениях на северо-западном побережье Камчатки. Вероятно, это относится и к алюторцам на тихоокеанском побережье – их В. И. Иохельсон не смог посетить из-за нехватки времени. Относительно праздников у коряков-оленьеводов В. И. Иохельсон признается, что был вынужден обходиться сведениями от других. Удивительно, что он не принимал участия в некоторых из самых важных праздников, которые проводятся в связи с рождением оленей поздней весной, и не смог их задокументировать, хотя он задерживался именно в это время в лагере оленеводов (28). В. И. Иохельсону сообщали, что под влиянием чукчей коряки уже проводили этот праздник под чукотским названием «Килвей». Но оленеводы на полуострове Тайгонос заверяли, что ни собственные корякские, ни заимствованные от чукчей ритуалы в связи с рождением оленей у них никогда не проводились (29), несмотря на то, что речь идет о таком важном моменте в цикле природы и их хозяйственной деятельности.

Праздники коряков (Ололо, Килвей) проводятся также и сегодня. В них содержится еще много первоначальных значений, предназначенных сделать возможной коммуникацию с природой. В дополнение к этому они могут подчеркивать также новые элементы, как выражение локальной и этнической идентичности (30). Когда В. И. Иохельсон исследовал корякскую «идею этнического единства» (31), очевидно ему были известны различные уровни идентичности. Он установил, что они нашли свое выражение в различных защитных фигурках и амулетах, «которые принадлежали семье, отдельной личности и в нескольких случаях всей деревне» (32). Сегодня похожие «множественные идентичности» обсуждаются как основа более гибких, относящихся к стратегии в определенных ситуациях в социальных дискурсах (33).

Значительная монография В. И. Иохельсона о коряках появилась, очевидно, под влиянием новой этнологической дисциплины, американской культурной антропологии, и в значительной степени она несла на себе отпечаток предписаний и методических руководств Франца Боаса. В. И. Иохельсон,

но прежде всего В. Г. Богораз, позднее создавали советскую историческую этнографию. Однако оба – так же, как Л. Я. Шернберг, в то время третья важная личность русской «этнотройки» – находились все еще под сильным влиянием эволюциониста Л. Г. Моргана. Последний классифицировал культуры в большей степени согласно их степени комплексности и в меньшей – соответствующим их региональным сходствам (34), что стало также частью завещания для более поздней советской этнографии.

1. *Jochelson W.* The Koryaks, Part I. Religion and Myths, Part II. Material Culture and Social Organization. 1908, [Новое издание 2016 <http://www.siberian-studies.org/publications/PDF/jochkoryak.pdf>], [В. И. Иохельсон. Коряки. Материальная культура и социальная организация. 1997].

2. *Kasten E.* (Hg.) Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. 2013.

3. Подробную информацию о биографии В. И. Иохельсона см.: *Kasten, E. and M. Dürr.* Jochelson and the Jesup North Pacific Expedition. A New Approach in the Ethnography of the Russian Far East // *Jochelson, W. The Koryak*. 2016. С. 9–34.

4. *Kan S.* Лев Яковлевич Штернберг // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. 2004. № 5. С. 30.

5. *Vakhtin N.* Franz Boas and the Shaping of the Jesup Expedition Siberian Research, 1895–1900 // *Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition 1897–1902*, I. Krupnik and W. Fitzhugh (eds.). 2001. P. 86.

6. *Jochelson* [Анонимус, „доцент“] Двудликий Янус // Освобождение. 1903. С. 256.

7. *Allen J. A and N. G. Buxton.* Report on the mammals collected in northeastern Siberia by the Jesup North Pacific Expedition: with itinerary and field notes. 1903. P. 108.

8. *Jochelson W.* 1908. С. 15, [2016. С. 56].

9. *Jochelson W.* 1908. С. 426, [2016. С. 448], [1997, С. 31].

10. *Kasten E.* Documenting Oral Histories in the Russian Far East. Text Corpora for Multiple Aims and Uses // *Oral History meets Linguistics*, E. Kasten, K. Roller, J. Wilbur (eds.). 2016.

11. *Jochelson W.* 1908. С. 125–340, [2016. С. 167–357].

12. *Kasten E. and M. Dürr.* Jochelson and the Jesup North Pacific Expedition. A New Approach in the Ethnography of the Russian Far East // *Jochelson, W. The Koryak*. 2016. P. 18.

13. *Jochelson W.* 1908. С. 469–501. [2016. С. 493–526], [1997. С. 57–72].

14. *Kasten E.* (Hg.) Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. 2013.

15. *Jochelson W.* 1908. С. 805, [2016. С. 831], [1997. С. 221].

16. Там же. 1908. С. 806, [2016. С. 832], [1997. С. 222].

17. Там же. С. 804, [2016. С. 830], [1997. С. 221].

18. Там же. С. 802, [2016. С. 828], [1997. С. 220].

19. *Kasten E.* (ed.). Steller und die Itelmenen. Die Bedeutung seines Werks für die ethnologische Forschung und für indigene Initiativen zum Erhalt von Kulturerbe bei den Itelmenen // *Georg Wilhelm Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka*. 2013. S. 249–251.

20. *Kasten E.* Documenting Oral Histories in the Russian Far East. Text Corpora for Multiple Aims and Uses // *Oral History meets Linguistics*, E. Kasten, K. Roller, J. Wilbur (eds.). 2016.

21. *Kasten E.* Rentierhorn und Erlenholz. Schnitzkunst aus Kamtschatka. Олений рог и ольха. 2005; *Kasten, E.* Shamanic Worldviews in Indigenous and Western Art. 2012.

22. *Jochelson W.* 1908. С. 689, 714–723, [2016. С. 718, 741–750], [1997. С. 166, 175–178]; см. также *Кастен Э.* Математические основы при изготовлении одежды и в прикладном искусстве коряков: возможности использования традиционных знаний в учебных программах национальных школ на Камчатке // *Сибирский сборник* 4. МАЭ РАН. 2014. С. 102–105.

23. *Jochelson W.* 1908. С. 684–688, [2016. С. 714–717], [1997. С. 163–166]; см. также *Кастен Э.* 2014. Там же. С. 105–108.

24. *Кастен Э.* 2014. Там же. С. 108f.; http://www.kulturstiftung-sibirien.de/vir_238_2_R.html, 5:00–5:12).

25. *Jochelson W.* 1908. С. 782, [2016. С. 809], [1997. С. 210].

26. http://www.kulturstiftung-sibirien.de/vir_22_R.html.

27. *Kasten E.* Ways of Owning and Sharing Cultural Property // *Properties of Culture, Culture as Property. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*, E. Kasten (ed.). 2004. P. 16–20.

28. *Jochelson W.* 1908. Plate XXV, [2016. С. 510], [1997. С. 65].

29. *Jochelson W.* 1908. С. 87, [2016. С. 126].

30. *Kasten E.* The Dynamics of Identity Management // *Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia.* 2005; *Kasten E.* Alkhalalalai. The Fall Festival of the Itelmens in Kamchatka. 2015; *Plattet P.* Le double jeu de la chance. Imitation et substitution dans les rituels chamaniques contemporains de deux populations rurales du Nord-Kamchatka (Fédération de Russie, Extrême-Orient sibérien): les chasseurs maritimes de Lesnaia et les éleveurs de rennes d'Atchaivaiaam. 2005.

31. *Jochelson W.* 1908. С. 762, [2016. С. 788], [1997. С. 199].

32. *Jochelson W.* 1908. С. 33, [2016. С. 71].

33. *Kasten E.* The Dynamics of Identity Management // *Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia.* 2005. P. 247.

34. *Zgusta R.* The Peoples of Northeast Asia Through Time. Precolonial Ethnic and Cultural Processes Along the Coast Between Hokkaido and the Bering Strait. 2015. P. 20.

А. И. Кириллова, И. Г. Шилкина
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ
КОЛХОЗОВ КАМЧАТКИ в 1920–1950 гг.
(на примере с. Мильково)

XX в. – это период бурного развития Камчатки в целом и отдельных ее районов в частности. Благодаря активной реализации государственной политики на усиленное экономическое развитие районы Камчатки приобрели свою специализацию, в них были внедрены новые виды занятий, самые передовые технологии тех лет. Основным направлением социально-экономической и культурной политики СССР в довоенные годы было превращение «отсталой окраины» в «развитый район». Как отмечают составители сборника «Советы Северо-Востока СССР (1928–1940 гг.)» (2), «братская помощь со стороны русского рабочего класса помогла малым народам... за короткий исторический период шагнуть в социализм непосредственно от патриархально-общинных отношений» (2, С. 13). Помимо национальных районов Камчатки достаточное внимание уделялось и развитию районов, где национальные меньшинства не составляли большую часть населения. В то же время в начале 1920-х гг. официальные власти Камчатки приравнивали жителей Мильковского района, называемых камчадалами, к коренным народам. Тем не менее, в состав освобожденных от налогов туземных на 1.01.1926 г. они не вошли (3, л. 5).

Также следует отметить, что при изучении истории коренных народов Камчатки особое внимание по традиции уделяется привычным для них занятиям, их сохранности, использованию опыта предков в организации промыслов, основам этноэкологии. При этом такой аспект развития этносов и субэтнических групп, как вхождение в их жизнь новых занятий и превращение их в традиционные, освещен недостаточно. В данной статье мы анализируем, как путем развития материально-технической базы колхозов в жизнь населения с. Мильково, преимущественно камчадалского, в начале XX в. входили новые занятия, происходили изменения в быту. Сельское хозяйство стало традиционным для мильковчан занятием именно в 1920–1950 гг., по этой причине мы ограничиваемся данными хронологическими рамками.

Так, Мильковский район по результатам обследований и анализа отчетов имперских властей был избран зоной для активного развития земледелия. Эти перспективы в своем отчете отмечал еще уполномоченный Камчатского Губревкома И. Е. Ларин в своем докладе о развитии региона в 1923 г. (4, л. 3а). Однако развитие коллективных форм хозяйствования на территории современного Мильковского района и районного центра, с. Мильково, было замедлено неоднозначным административным статусом территории (существовавшая Мильковская волость была упразднена в 1925 г., эта территория вошла в состав образованного Усть-Камчатского района, при этом частично сохранила самоуправление, лишь в 1933 г. был образован Мильковский район как особая административно-территориальная единица). Административным центром района является с. Мильково, расположенное практически в центре территории района.

Занятие сельским хозяйством в 1900–1910-х гг. не было привычным для населения Мильковского района и всего Петропавловского уезда в целом, земледелие носило вспомогательный характер, а основным и самым доходным занятием была добыча и сдача скупщикам пушнины (4, л. 17). Наибольшую выгоду охотникам-камчадалам приносила сдача соболиных и лисьих шкурок. Однако в 1925–1927 гг., в связи с резким сокращением поголовья этих объектов охоты, было приня-